

нужно доказывать, что не гносеологический, а этический человек, т. е. человек, рассматриваемый под углом зрения его поведения и блага, и составляет основной предмет искусства классицизма, как и всякого другого искусства. Как особый предмет познания этический человек был еще до классицизма постулирован Бэконом. К Бэкону же генетически восходит основная категория познания и изображения человека искусством классицизма, категория естественного человеческого характера.

Бэкон утверждал, что наука о нравственности должна опираться на «практическое» знание людей, подразумевая под этим изучение созданных природой человеческих характеров. Характер в понимании Бэкона это отнюдь не индивидуальное нечто, а представитель некоего психологического вида, очищенный от всего случайного, частного, раскрытый в своей естественной сущности, которая определяется «склонностью», «движением души в определенную сторону», т. е. действием и проявлением гой или другой страсти. Нетрудно заметить, что именно страсть, а отнюдь не разум составляет действительную субстанцию человеческого характера в искусстве классицизма. Другое дело, что эта субстанция далеко не совершенна и далеко не всегда согласуется с этическими требованиями и нормами. Но именно потому она и является источником трагического.

Материал для изучения человеческих характеров Бэкон, согласно своему наивно-материалистическому пониманию научного опыта, рекомендует брать не из окружающей моралиста действительности, не из наблюдений над живыми людьми, а искать его в астрологических преданиях, у поэтов и прежде всего у историков. В этом предпочтении исторического свидетельства живому опыту современности больше чем где-либо проявился метафизический, антиисторический способ мышления XVI—XVII веков. Человеческая природа неизменно равна самой себе во все эпохи. История фиксирует бытие тех или других созданных природой характеров в их действительном и в то же время законченном проявлении, т. е. в их судьбе. Судьба человека есть одновременно и становление и проявление его характера. Эта концепция объясняет многое в происхождении и структуре трагического героя.

Отметим прежде всего, что классицистический театр (главным образом Расин и Мольер) воспринимался современниками и последующими поколениями (см. приведенное выше высказывание Вольтера) как театр характеров, пришедший на смену театру интриги. «Было время, — свидетельствует Сент-Эврмон, — когда надо было выбирать эффектные (beaux) сюжеты и хорошо их располагать (traiter); ныне нужны только харак-